

Максим Максимов

СУНДУК ЗДОРОВЬЯ,

или Как можно дружить с
собственным иммунитетом

16+

Максим Максимов

Сундук здоровья, или Как можно дружить с собственным иммунитетом

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43688067
SelfPub; 2019*

Аннотация

Природа миллионы лет развивала возможности иммунитета – этой замечательной системы защиты организма у всех живых существ. Но появился человек, посчитавший что он и сам с усами, и принялся ломать свой собственный иммунитет при помощи придуманной им фармацевтики. Потом он подсадил сам себя на лекарственную иглу и, вместо лечения, принялся выкачивать из болящих бабки. Теперь вся природа растет, цветет и благоухает без медицины, и только «разумный» человек, как безумный наркоман, уже не может обойтись без ежедневной дозы лекарств и постепенно деградирует. Что же делать?

Содержание

Вместо предисловия. Загадка смерти Н.В.Гоголя	4
Глава 1. Достало!	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вместо предисловия.

Загадка смерти Н.В.Гоголя

Версий о смерти Николая Васильевича Гоголя, со дня самого события и по сей день, написано, пожалуй, столько, сколько не написано ни о ком больше.

И я бы никогда даже и не подумал о ней писать, никогда этим не интересовался, но...

Когда я сосредоточен над каким-нибудь новым текстом, я предпочитаю, чтобы никакая посторонняя информация не отвлекала.

Но иногда, в качестве приятного фона, включаю негромкую спокойную музыку – или совсем без слов, или на языке, которого не знаю, т.е., чтобы никакая посторонняя информация не отвлекала от главного.

Когда же я правлю и шлифую уже написанное, то иногда включаю и что-нить информационное – для экономии времени и чтобы совместить приятное с полезным: а вдруг услышу что-нибудь интересное?

Вот и в этот раз, шлифуя эти записки об иммунитете, я вполуха слушал передачу о странной болезни Гоголя и о его загадочной смерти.

И вдруг понял: да это же «герой именно моего романа»!
Работая над «Пророчеством Адама», я часто ловил себя

на мысли о том, что т.н. «вышние силы» благоволят моей работе, причем, не только одаривая мое НАИТИЕ подходящими мыслями и водя моей рукой по клавиатуре, но даже ниспосылая мне и более материальные артефакты!

Вот и в этот раз эти «вышние» ниспослали мне именно эту передачу – в нужное время и в нужном месте! И я решил поискать и ознакомиться с материалами по этому вопросу, чтобы составить собственное мнение.

В чем же соль этого вопроса?

Если кто не знает, главная загадка (внешне!) состоит в том, что Гоголь вдруг жутко заболел неизвестной болезнью, отказывался лечиться, утверждая, что все равно скоро умрет, и... умер через несколько дней!

А поставить диагноз Гоголю не смогли ни самые именитые эскулапы, собранные к нему пока он был еще жив, ни даже самые именитые из тех, кто пытался поставить этот диагноз ему уже после, уже мертвому.

В течение всех полутора лет, после его кончины!

Конечно же, можно понять тех корифеев от медицины, что были его современниками: больной-то у них был, однако были и крайне скудные знания, по сравнению со знаниями сегодняшних корифеев.

А у наших корифеев нет и самого больного, и есть крайне скудные и, подчас, совершенно противоречивые знания и о нем самом, и об истории его болезней и о симптомах болячки, которая оказалась такой роковой...

Странности жизни писателя начались уже с того, что неизвестна даже точная дата его рождения. Одни полагают, что он родился 20 марта, другие – что 1 апреля 1809 года.

Родился он в небогатой помещичьей семье, отцовские корни восходили к казацко-дворянскому роду Гоголь-Яновских, а мать – урожденная Косяровская. Замуж она вышла, когда ей было всего 14 лет, и у себя в деревне слыла первой красавицей.

К сожалению, как практически и все поголовно в те времена, никаких наук она не знала, зато была жутко набожной и пичкала Мыколку всевозможными пророчествами о «страшном суде».

И дед и бабка, по матери, тоже были жутко религиозны и суеверны, а тетка и вовсе была не в себе – мазала голову сальной свечой, а сидя за столом – корчила рожи, и прятала себе под матрац корки хлеба...

Эти «науки» и взошли потом в его, полных фантастики и жуткой мистики, произведениях.

И не только.

Мыколка родился настолько слабым, что никто и не думал, что он выживет. Но он выжил, и это не прошло ему даром: рос хилым, тщедушным, и к нему липли все болячки – то золотуха, то скарлатина, то гнойный отит. И бесконечные, почти не проходящие простуды...

В те времена, в Европе, ходили жуткие слухи о том, как

похороненных людей находили в могилах перевернутыми набок или с поднятыми руками, как будто они были похоронены заживо и, пытаясь выбраться из гроба, умирали под землей в страшных мучениях.

Я и сам однажды слышал рассказ очевидца подобного случая во второй половине прошлого века, в одной из среднеазиатских республик.

В семье сельчанина перестала дышать девочка. Родня решила, что девочка умерла и, поскольку по мусульманскому обычаю покойника полагается похоронить в этот же день, причем, еще до захода солнца, то ее, не мешкая, сразу же и закопали.

Но вскоре девочка пришла домой, живая и здоровая!

Но отец, вместо того, чтобы обрадоваться, с криком: «Шайтан пришел!», схватил мотыгу и убил ее...

Для российского читателя это требует некоторого пояснения.

Дело в том, что в Средней Азии могилы не так глубоки, как в России, и покойников не хоронят в гробах, а в яме делают подкоп – нишу, и покойника укладывают туда. Если человек проснется, то у него есть и воздух для дыхания и место для грунта, чтобы проделать путь наверх.

Ну, а невежество родителя пояснения не требует...

Эта загробная тема была довольно популярна и в европейской и русской литературе первой половины 19 века.

Естественно, и Гоголь, тем паче, после такого «потусто-

ронного» воспитания, не стал исключением.

Однако черти, упыри и вурдалаки, оживающие мертвецы и прочая нечисть – из его знаменитых «Миргорода» и «На хуторе близ Диканьки», все же были изображены у него с изрядной долей иронии и сарказма!

В том числе и сами хуторяне, жившие среди этой нечисти. Но постепенно, со временем, Гоголь и сам стал все больше верить и в свои и в чужие сказки о реальности этого страшно жуткого мира, по другую сторону бытия. На фоне вечно-го недомогания, вкупе со всеми этими страшилками, у него начал развиваться не просто страх смерти, но еще больший страх быть тоже похороненным заживо!

Особенно после того, как переболел малярийным энцефалитом.

И здесь тоже разночтения, одни утверждают, что малярией он переболел еще в детстве, другие говорят, что заразился ею в Италии.

В возрасте 20 лет он впервые полюбил, чувство было сильным, но безответным, и Гоголь писал, что пережил настоящую катастрофу.

Позже он пытался посвататься к красавице графине Вильегорской, однако родители девушки были настолько возмущены дерзостью писателя, не отличавшегося ни знатностью, ни богатством, что пошли на крайние меры: они даже отказали незавидному жениху от дома!

А он так размечтался!

Это был еще один удар по ранимой психике писателя, и Гоголь так и остался одиноким человеком. И, несомненно, одиночество и любовные неудачи наложили не самый веселый отпечаток на его характер.

В 1836 году Гоголь предпринял путешествие по Европе и Ближнему Востоку, чтобы развеяться от тягостных дум, поправить свое здоровье, подальше от русских зим, и как бы обрести «духовное обновление».

Он провел за границей почти 10 лет, но ни Италия, ни поездки к «святым местам» – в Иерусалим и Константинополь, посещения монастырей и беседы с «духовными пастырями» так и не дали желаемого результата. Скорее, и эти поездки, и сама атмосфера этих «святых мест» и все эти беседы, на чисто лишенные хоть какого-то реально жизненного смысла, только еще больше напрягли его, и физически и душевно.

В Италии он чуть не умер от малярии, а новые переживания, обострения старых и приступы новых болячек вконец утомили его, и Гоголь еще больше разочаровался в жизни.

После ряда неудач устроить свою личную жизнь, он долго и тяжело переживал, еще больше замкнулся и решил навсегда с этим покончить.

И весь ушел в работу над «Вием», где и похоронил свою мечту о счастливой семейной жизни. Он так переживал каждый эпизод со своими героями, как будто сам участвовал во всех действиях!

Много душевных сил отнял и «Ревизор». Писатель очень боялся провала пьесы, это могло даже поставить крест на его дальнейшем творчестве, следовательно, и на дальнейшем смысле жизни вообще.

Зуд совершенства заставлял менять сцены, реплики и даже самих героев до такой степени, что он порой отчаивался и в своем таланте и даже в собственной способности написать хоть что-нибудь толковое....

Но блестящий результат и хвалебные отклики приятно разочаровали его сомнения и прибавили вдохновения на дальнейшие литературные подвиги. Однако пережитые творческие муки добавили и еще одну глубокую борозду в его и так неровной и беспокойной жизни...

Все это неумолимо приближало Гоголя к обрыву в пропасть...

В январе 1852 года скоростижно умирает жена его друга, поэта Хомякова, Екатерина Михайловна Хомякова, с которой Гоголь тоже очень дружил.

Иллюстрация №1– Екатерина Хомякова – <https://vmardoni.ru/wp-content/uploads/2018/04/6.-Ekaterina-Homyakova.jpg>

*** (Здесь и далее, чтобы случайно не нарушить чьих-нибудь авторских прав, мы опускаем изображение, но даем на

эти изображения неактивные ссылки. И если читателю это покажется интересным, он сам может найти эти картинки в интернете.)

Сам Хомяков в своих воспоминаниях писал: «С того времени он пребывал в каком-то нервном расстройстве, принявшем характер религиозного помешательства. Он говел и начал морить себя голодом, попрекая в обжорстве».

Я полагаю также, что немалую роль сыграли и «обличения» некоего протоирея Матфея Константиновского, которому, в горячке спора, Гоголь дал прочитать главы 2-го тома «Мертвых душ».

Этот чересчур велеречивый поп крайне нелестно отозвался о содержании рукописи и даже потребовал ее сжечь. А в качестве «искупления» настаивал, чтобы Гоголь соблюдал строгий пост, требовал особого рвения в соблюдении церковных наставлений, распекал и самого Гоголя и А.С.Пушкина за их «греховность и язычество».

На расшатанную психику Гоголя тирады «христолюбивого борца за чистоту веры» воздействовали так, что однажды он, и сам писавший жуткие мистические триллеры, даже оборвал Матфея, почти простонав: «Довольно! Оставьте, не могу дальше слушать, слишком страшно!»

Истязая себя говеньем, Гоголь, и так уже отстранившийся от всего и вся в этом мире, перестает даже выходить из дома.

Ночью, с 11 на 12 февраля, он будит слугу, приказывает открыть печь и принести портфель с бумагами.

Иллюстрация №2 – Мистически неадекватное изображение, неадекватным художником, неадекватного поведения нашего, якобы неадекватного героя – http://itd0.mycdn.me/image?id=852255236153&t=20&plc=WEB&tkn=*CF60-Zg_kHgXvN-0lCVu3GHia_k

Изображена непонятно какая печь, под вид «буржуйки», из которой пламя не уходит внутрь и в трубу или хотя бы поднимается вверх – это в доме-то! – а бьет наружу и наискось, прямо в лицо герою!

На следующий день он сказал графу Александру Петровичу Толстому, в доме которого он жил в это время:

– Вот, что я сделал. Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все... Как лукавый силен, вот он к чему меня подвигнул!

Мне кажется, что и сам Гоголь тоже лукавил про «лукавого», оправдывая это свое кощунство по сожжению почти законченного 2-го тома «Мертвых душ», ведь: «Рукописи не горят»!

Вот, тебе, и не горят...

20 февраля, когда состояние Гоголя совсем ухудшилось, Толстой собрал консилиум самых лучших врачей, и врачи решили лечить и кормить Гоголя насильно. Это было, якобы, связано с тем, что сам больной категорически отказывался от лечения.

– Надобно посадить его в ванну и крикнуть: ешь! – сказал тогда один из докторов.

Они сразу же приступили к делу.

К этому времени слухи о странной болезни Гоголя уже разнеслись по Москве. На бульваре стали собираться его почитатели, чтобы узнать последние новости о здоровье писателя. Здесь, у окон, москвичи ждали, что же будет с Гоголем.

Помните, когда умирал Пушкин, то Жуковский от руки писал записочки и вывешивал их на дверь?

А тут никто ничего не говорил, и войти в усадьбу никто не решался. Все стояли на бульваре, главным образом студенты, и ждали каких-нибудь известий.

Знали бы они, что в это время приходилось терпеть Гоголю!

Для начала врачи решили поставить ему пиявки к носу и сделать ему холодное обливание головы, в теплой ванной.

Гоголь стонал и кричал, он не хотел принимать никакого лечения. Он решил, что все у него в этой жизни кончено, и поэтому так сопротивлялся всему, что предпринимали и врачи и граф Толстой.

Да, Толстой созвал на консилиум лучших врачей: и немецких врачей, и русских врачей... Именно они-то и сделали столь противоречивые и запутанные заключения, и существует почти десяток версий причин, по которым Гоголь мог скончаться.

И одна из них – брюшной тиф. Гоголь ничего не ел, но его поили разбавленным красным вином и делали ему процедуры, которые были в ходу у медиков и популярны среди пациентов того времени. То есть, все те же самые пиявки, погружения в какие-то ванны и так далее.

Но Гоголю становилось все хуже и хуже.

К вечеру он начал терять память и бредить.

Потом вдруг громко закричал:

– Лестницу, поскорей давай лестницу!

По всей видимости, это говорит о том, что все мысли у Гоголя уже были обращены к так называемому «горнему миру»...

Образ лестницы – на церковно-славянском языке это произносится как «лествица» – это один из любимейших образов Гоголя. Уже в самом первом его произведении, «Майская ночь или утопленница», есть этот образ: лестница, возводящая на небо.

У него начали холодеть ноги. Его снова начали обкладывать горячим хлебом, но уже ничего не помогало...

Около 8-ми часов утра 21 февраля дыхание у Гоголя прекратилось совсем...

Тело Гоголя перенесли в университетскую церковь святой Татьяны, на Большой Никитской.

Два дня окрестные улицы были забиты народом, неожиданно все захотели проститься с писателем, который умирал фактически один – ни жены, ни детей у него так и не было...

Когда тело вынесли, толпа даже не дала поставить гроб на катафалк, а на плечах несла его семь верст до Данилова монастыря...

Как вспоминали очевидцы, трудно было даже пробиться, чтобы подставить свое плечо под эту скорбную ношу!

В официальном извещении о смерти коллежского асессора Гоголя говорилось, что он скончался от простуды, однако далеко не все поверили этому объявлению. Слухам и рассказам о смерти Гоголя не было конца, для многих она уже тогда была окружена ореолом тайны.

Скульптор Н.Рамазанов, который должен был снять с писателя посмертную маску, тоже рассказывал, что сначала не решался это сделать, потому что вспомнил, как Гоголь очень боялся, что его похоронят еще живым. Но именно его свидетельство было решающим в споре экспертов о том, был ли писатель похоронен в состоянии летаргического сна...

Так, от чего же, все-таки, умер Гоголь?

Многие психиатры утверждают, что Гоголя, как личность, почти полностью изменило тяжелое душевное заболевание в

последние недели, и якобы он уже почти не отдавал отчета в том, что он делает.

В качестве доказательства приводится и то, что у него даже резко изменился почерк: вместо мелкого бисерного, он в предсмертных записках превращается в крупный, даже чем-то похожий на детский.

Я думаю, это легко объясняется тем, что у физически ослабленного человека мелкая моторика рук резко ухудшается, и почерк вполне естественным образом становится не только крупным, но и более корявым.

В версию помешательства вроде бы удачно укладываются почти все последние события в жизни Гоголя – и многочасовые молитвы, и отказ от еды и опасения быть похороненным заживо.

И даже сожжение «Мертвых душ».

Получается, что временами он действительно не понимал, что он делает?

Когда 16 февраля Гоголя увидел доктор Тарасенков, он ужаснулся: перед ним был человек, как будто доведенный тяжелой болезнью до крайности, со слабым голосом и очень изможденным лицом.

Гоголь напоминал Тарасенкову живого мертвеца.

Врач попытался уговорить писателя начать хотя бы нормально питаться, но Гоголь сказал, что ему уже все равно, и он скоро умрет.

Он перестал следить за собой, не умывался, не причесы-

вался, не одевался и почти ничего не ел.

На консилиуме 20 февраля врачи пришли к выводу, что сознание больного находится в «не натуральном положении».

Потом именно эти слова и станут для психиатров еще одним подтверждением версии о помешательстве Гоголя.

Но если допустить, что сознание Гоголя было расстроено, тогда – какова же была причина этого расстройства?

Одни считают, что причиной был религиозный фанатизм, другие – что комплекс физической неполноценности.

То есть, те самые неудачи на любовном фронте.

И все же нет никаких оснований полагать, что писатель сошел с ума. Случайный свидетель последних часов жизни Гоголя, дворовый человек одной симбирской помещицы, фельдшер Зайцев, в своих воспоминаниях отметил, что за сутки до смерти Гоголь пребывал в ясной памяти и здравом рассудке. Придя в себя после «лечебных» истязаний, он подружески беседовал с Зайцевым и расспрашивал его о жизни. И даже сделал поправки в стихах, написанных Зайцевым на смерть его матери!

Весьма сомнительна и версия, что Николай Васильевич скончался от голодного истощения. Здоровый взрослый человек может почти месяц обходиться совсем без пищи, а писатель постился только 17 дней, да и то не отказался от пищи

полностью...

Например, моя теща была маленькой, очень сухонькой старушкой – у нее была какая-то непроходимость пищеварительного тракта.

Представьте себе: вся ее трапеза – это несколько ложек жиденького супчика, кипящего на сковородке! Плюс – пара печенюшек «привет», покрошенных в этот кипяток.

Никакой другой пищи организм не принимал, даже только что снятый с огня суп уже не лез в рот, она говорила, что он «плохо горячий»!

Тем не менее, это была довольно подвижная и деятельная женщина: то хлопотала по хозяйству, то бежала с ведрами к колодцу...

А зимой лезла на крышу дома, сгребать снег!

Однако, если не от сумасшествия и голода, то не могла ли быть причиной смерти Гоголя какая-либо инфекционная болезнь?

В Москве зимой 1852 г. свирепствовала эпидемия брюшного тифа, от которого, как предполагают, умерла и Хомякова.

Именно поэтому доктор Иноземцев, при первом осмотре, заподозрил, что у Николая Васильевича тиф.

Однако, через неделю, тот самый консилиум докторов, который был созван графом Толстым, объявил, что у писателя не тиф, а менингит, и ему был назначен тот странный курс

лечения, который иначе как «истязанием» и не назовешь...

И это «лечение» лишь усилило страдания безнадежного больного.

А может статься, что его неправильно лечили?

Что его лечили неправильно, понятно и так, есть и такая версия, что его попросту отравили лекарствами, неправильно поставив диагноз.

Все последние дни доктор Тарасенков регулярно осматривал Гоголя. В своем дневнике он описал состояние больного так: «Пульс у писателя был ослабленный, язык чистый, но сухой, один раз он даже имел небольшое кровотечение из носа. Жаловался, что у него руки зябнут, испытывал жажду».

И это – все!

А где же симптомы смертельной болезни?

Современные медики утверждают, что все это очень похоже на отравление соединениями ртути. В те времена в ходу был препарат, под названием каломель, предложенный еще Парацельсом. Он обладал слабительным, мочегонным и желчегонным действием, но, будучи модным, применялся чуть ли не как панацея от всех болезней.

Особенность каломеля состоит в том, что он не причиняет вреда только в том случае, если он быстро выводится из организма через кишечник. Если же он задержится в желуд-

ке, то спустя какое-то время начинает действовать как сильнейший ртутный яд сулема.

Однако отравление могло произойти только при многократном применении, когда он накапливался в организме, но писателю давали его только один раз – так рассуждают сегодняшние медики.

Мне, не медику, кажется весьма странным назначение слабительного и мочегонного голодному человеку, с пустым желудком и постоянно испытывающего жажду! Но я – не медик...

Кроме того, та самая моя теща чем только не перепробовала лечиться! Даже той же сулемой, которая в те поры была запрещена, и ее доставали за большие деньги у корейцев, в Талды-Курганской области.

Но этот страшный яд не брал ни ее болезнь, ни самую старушку!

Ровно так же сейчас демонизируют ртуть.

Сколько раз уже были сообщения о срочной эвакуации целой школы, если кто-то случайно разбил в ее стенах обычный градусник!

Очередная сегодняшняя глупость, ведь мы в детстве частенько играли с шариками ртути, в том числе и я сам – иногда из специально разбитых градусников! – и даже просто пальцами натирали ими медные монеты, и тогда они сходили за серебряные.

Но никто же не умер, и даже никто не отравился!

А что могло вызвать летаргию у Гоголя, если это действительно была летаргия?

Летаргия может возникать при поражениях головного мозга при некоторых инфекционных заболеваниях.

Могло ли что-то подобное произойти и с Гоголем?

Писатель не раз жаловался на здоровье, а в письмах он так подробно описывал свои недуги, что даже друзья удивлялись его манере живописать свои болячки.

Три диагноза из предположенных врачами девяти, которые могли привести к смерти Гоголя, были как раз инфекционные.

Могла ли одна из них спровоцировать летаргическое состояние?

Еще на третьем десятке лет жизни Гоголя начала мучить странная болезнь. Он писал: «Тело мое дошло до страшных охлаждений, ни днем, ни ночью я ничем не мог согреться, лицо мое страшно пожелтело, а руки распухли и почернели и были ничем не согреваемый лед, так что прикосновение ко мне пугало меня самого».

Да и в самом завещании он потом напишет: «Уже в самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться».

Однажды, в гостях у Аксакова, Гоголь потерял сознание. Причем, по словам самого Аксакова, Гоголь любил жить один, и кроме своей прислуги никого к себе особо не пускал.

Поэтому к нему во флигель долго никто и не заходил, а когда заглянули – он лежит на полу!

Сколько он так лежал, без чувств, так и осталось неизвестным...

Скорее всего, именно эта болезнь, со всеми ее обмороками и «охлаждениями», и наводила Гоголя на мрачные мысли, что однажды он проснется в могиле под землей...

Так, что же это была за болезнь?

При приступах малярии действительно бывают и обмороки, и охлаждения, и онемения и чувство, что ты вот-вот умрешь...

И даже когда приступ проходит, и ты приходишь в себя, ты все равно знаешь, что этот обморок не последний, и один из следующих приведет тебя к концу.

И Гоголь мог вполне утвердиться в мысли, что при очередном таком обмороке, какой был у него у Аксаковых, его могут счесть за умершего и похоронить живьем.

Те симптомы, которые он сам же так подробно описывал: озноб, распухшие руки и ноги, высокая температура и потеря сознания, характерны для тяжелой формы малярии. Малярию в те времена лечить не умели, и Гоголь страдал ею всю свою жизнь.

Возможно, что очередная, особо опасная форма малярии, так называемая «трехдневная лихорадка», и довела его организм до такого состояния, что ему не хотелось ни есть, ни

даже жить?

Могла ли лихорадка довести его до летаргии, и возможно ли, что к моменту похорон он все еще был жив?

Однако есть свидетельство непосредственного участника тех событий, которое должно опровергать все эти сомнения. Это тот самый скульптор Рамазанов, который снимал помертвевшую маску с Гоголя. По его словам, ему пришлось это делать дважды, и он даже повредил кожу на лице Гоголя, которая уже начала тлеть и разлагаться.

«После снятия маски – записал скульптор, спустя всего несколько часов после процедуры – можно было вполне убедиться, что опасения Гоголя были напрасны, он не оживет. Это не летаргия, но вечный, непробудный сон».

К сожалению, и этот вопрос теперь никак не может быть разрешен окончательно, поскольку останков Гоголя больше никто не видел.

По сохранившимся черновикам секретного отчета комиссии по вскрытию могилы Гоголя, на Новодевичьем кладбище в могиле Гоголя могут покоиться останки совершенно другого человека!

При вскрытии его первой могилы, для перезахоронения, нашли остатки гробовых досок, но ни позвоночника, ни черепа... не было!

Была обнаружена берцовая кость, еще какие-то разрозненные части мужского скелета, кусок расшитой позеленев-

шим золотом бархатной погребальной туфли, еще какой-то кусок ткани от сюртука.

И это – все!

Ввиду того, что никаких признаков полноценного захоронения найдено не было, комиссия обратилась к вышестоящим органам с вопросом: что же делать дальше, может быть, расширить раскоп и поискать захоронение рядом?

Но разрешение на это дано не было. Им было сказано, чтобы сложили в гроб то, что нашли, и везти все это в Новодевичий монастырь.

Именно поэтому протокол вскрытия засекретили, а с членов комиссии взяли подписку о неразглашении результатов.

Именно поэтому до сих пор в народе муssiруются и даже до сих пор плодятся всяко-разные слухи о таинственных обстоятельствах трагического конца и послесмертных злоключений его праха...

Так, что же, все-таки, случилось с Гоголем?

Что привело его не только к такому трагическому, но и такому странному, до сих пор никем и ничем не объяснимому концу?

Осмелюсь предположить, что Гоголь погубил себя... сам!

Конечно, не вдруг и не с бухты-барахты, к этому привела целая цепь жизненных обстоятельств, когда одно звено следовало за другим, нанизываясь одно на другое, и, в конце концов, эта цепь опутала его всего так, что лишила его воз-

возможности вырваться из этого капкана...

А могли бы врачи реально помочь ему и все-таки спасти Гоголя?

Думаю – да, могли!

Даже те врачи, столь невежественные, по нашим-то меркам.

Для этого не нужны были никакие лекарства, процедуры и пиявки.

Но – как? Если даже до сих пор никто не смог не только определить причины смерти, но даже просто поставить диагноз?

Это предисловие было написано много позже самих записок, но я включил его сюда, как еще одну иллюстрацию к ним, и еще потому, что именно эти записки могут пролить свет на все эти вопросы...

Глава 1. Достало!

Ну, достало!

Придется «делать»...

Сегодня 4 марта, и «достала» меня какая-то фигня в правой ноге: ноет и тянет. Ноет в тазобедренном суставе и тянет – тянет до судороги, до боли – в икроножной мышце. Ноет где-то глубоко внутри, выражаясь языком автомобилистов: в правой шаровой опоре заднего моста.

Ноет, когда лежишь – неважно, на правом или левом боку, на спине или животе; неважно, давит тело на него или нет – все равно, не найти такого положения, чтобы не ныло.

А когда стоишь – ноет «с истомой»...

Но лучше держать ногу на весу!

А еще лучше: не стоять, а идти – почему-то!

Все равно ноет, но не так сильно.

Ныть начало уже довольно давно, уже и не помню, когда – то ли год назад, то ли гораздо больше? Мы не очень-то обращаем внимания на предупреждающие, эпизодически редкие сигналы нашей аварийной сигнализации. И начинаем реагировать только тогда, когда она начинает звонить и реветь сиреной непрерывно и настырно. Так и в этот раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.